

Ерофеев Виктор Вик.
02.12.05.

Виктор ЕРОФЕЕВ: «Чихнешь утром, а страна может к вечеру умереть»

Сергей Ткачук

Всемирно известный писатель, а также ведущий программы «Апокриф» на канале «Культура» Виктор Ерофеев человек политически неравнодушный. Но готовых рецептов ни для власти, ни для оппозиции у него нет. Главной же бедой России г-н Ерофеев считает отсутствие мещанства.

— Сегодняшний политический спектр России представлен массой разнообразных сил — от ультранационалистических до либеральных. Тем не менее многие граждане сетуют на то, что нет такой партии или блока, который бы достойно представлял их интересы. Чем, на ваш взгляд, вызвано это очевидное противоречие?

— Один этот вопрос стоит докторской диссертации. Очевидно, что мы имеем дело сейчас не с политикой, а с некой иллюзией. Ведь парламентской деятельности у нас, по сути, нет, потому что политики проводят не свою линию, а определенного клана, организации или власти. Поэтому и политики как таковой, в европейском смысле этого слова, в России сейчас нет. Она была в начале 90-х годов, жесткая, малоприятная, неуклюжая, но была. И власть тогда воспринималась как нечто далекое от совершенства, но что-то свое. К ней можно было относиться как к определенному партнеру. Сейчас власть повела черту отчуждения, как в сказке. Социальная жизнь России всегда работала по системе сказки: были «кощеи», были «иваны-дураки». И когда эта черта проведена, что бы ни происходило, какие бы партии ни пузырились, все равно получается имитация политики.

Другое дело, зачем нужна эта имитация власти, которая вполне концентрирована для того, чтобы вообще не обращать внимания на партии. И здесь мы имеем ровно то же самое, что имели в советские времена. То есть это показуха, способ продемонстрировать свой более или менее человеческий облик миру, тем государствам, которые имеют парламентское и политическое лицо. Делается это для того, чтобы использовать их максимально в своих целях.

Поэтому сейчас, в 2005 году, можно сказать, что мы стали опять на колеса традиционной русской власти, которая воспринимает народ как подвластную ей массу, воспринимает Запад как источник витаминов (часть из которых отторгается, как отравленные), а себя — как единственного носителя стабильности и целостности России. Из-за

этого, кстати, в разное время рождаются бунты, революции, перевороты и прочие скандалы, которые, строго говоря, не имеют особой политической основы. Это — борьба интересов, имеющих довольно низкий характер, потому что опять-таки проблема России заключается в том, что никто за нее не болеет. А партии просто борются за свое место под солнцем.

— И какое место занимает народ в сегодняшней политической реальности?

— Народ абсолютно неподготовлен к реальной политической жизни. И соответственно, он легко манипулируем, у него абсолютно атактистический и архаический инстинкт, прежде всего выражающиеся в самомнении, уверенности в том, что за ним стоят какие-то невероятные ценности и что они находятся в опасности. Отсюда возникает крайний национализм. И человек, который наблюдает эту сцену, порой начинает сочувствовать именно власти. Потому что таким народом, погрязшим в алкоголизме, потерявшим свой лучший генофонд и превратившимся в какого-то исторического мутанта, очень трудно управлять и от него мало чего можно требовать. Поэтому возникает вопрос, а какой должна быть власть для такого народа. Народу, для которого то, что есть безобразие с точки зрения нормальных европейских законов, — норма, нужна палка или кнут, которым это безобразие подправляется.

Но главная беда в том, что у нас никогда не было национально ориентированной буржуазии, среднего класса. Того самого мещанства, которое всегда ненавидела русская литература. С народом было проблемно, с властью тоже, и не было того самого среднего класса, который мог бы в ту или другую сторону способствовать если не политическому, то хотя бы разумному ходу событий.

— То есть сегодня на политической арене России нет силы, которая может стать выразителем чаяний масс?

— Я согласен с теми, кто говорит, что власть более либеральна, чем народ. Объективная реальность состоит в том, что проблемы России еще более пугающие, чем нам кажется. Мы упали не в 10-метровую, а в 50-метровую яму. То есть нужна целая система канатов, всяких спасательных действий и специальное министерство, чтобы из нее вылезти.

Демографическая ситуация, отсутствие ценностей, которые готовы работать на эту страну, — все это власть видит. И тогда, как ни странно, она становится более европейской, начинает поступать разумнее,

чем все те, кто действуют на поверхности псевдополитической жизни. Потому что любая форма национализма, выраженная той или иной так называемой партией, ведет к очень быстрому распаду страны.

Вообще власть неоднородна. В ней есть люди толковые и, видимо, не слишком толковые. Как раз экономический сектор власти мне внушает скорее доверие. Я не политик, и мне сложно судить. Но если я могу позволить себе сделать какие-то замечания, то первым делом, на мой взгляд, надо разобраться с жесткой бюрократизацией страны. Бюрократия в России напоминает гипсовый врачебный корсет, в котором дышать просто невозможно. Но я опять-таки иногда думаю, что, может, без этого корсета страна распалась бы. Я совершенно не убежден, что все так прилично и не нуждается в этом порядке и вертикали. Потому что если исходить из опыта либеральных реформ, то по сути своей они носили европейский характер, но обращались к абстрактному, а не реальному народу. И может быть, правда, «корсет» для слабой страны нужен? Здесь больше вопросов, чем ответов.

Я не обладаю всей полнотой информации и думаю, что власти стоило бы рассказать, какова на самом деле ситуация. Мне вообще кажется, что мы как бы находимся в тумане и в этом тумане я равноудален от всех политических сил. Я, конечно, сочувствую тем людям, которые в

политике хотят быть честными, благородными и проповедуют нормальные демократические ценности, и тем, кто своими действиями способствует приближению страны к какому-то демократическому порядку. Но они очень слабы, либерального ресурса страны бесконечно мало.

Я так же удален и от националистических кругов, потому что я убежден, что здесь начинается смерть России.

— Власть, наверное, это тоже понимает, но почему-то выступления националистов практически не пресекаются...

— К сожалению, игры с националистическими лозунгами идут и во Франции, и в Голландии, и в Англии, и в США.

— Но не слишком ли опасны подобные игры у нас?

— У нас все опасно. Чихнешь утром, а страна может к вечеру умереть. Все очень слабо и хило. Я о том и говорю, что непонятно состояние больного: он уже перешел в агонию или нет? Отсутствует точный диагноз. И видимо, нет надежного врача, который готов заняться больным. Потому что консилиум состоит из таких людей, которые к больному относятся примерно так, как наша медицина — к среднестатистическому больному. И цена жизни, как человека, так и страны, приобретает теоретическое, а не практическое значение. Нужно понимать, к чему приведет та или иная форма политики. Если мы изолируемся, то крах будет

неизбежен. С другой стороны, если мы откроемся полностью, мы, скорее всего, покажем свою наготу. Но давать какие-то рецепты я не берусь. Давайте останемся все-таки на культурологическом поле. Потому что эти политологи бесконечные...

— Они вас раздражают?

— Они — паразиты русской иллюзорной политики.

А если вернуться к культуре, то она в этой стране намного сильнее и ее истории, и ее власти. Это невероятное, но факт.

— А приход людей культуры в политику может способствовать улучшению морального облика страны?

— Сейчас трудно говорить о каком-то облике. Мы уже привыкли шифроваться, возникает какая-то система запретов и заговоров в стиле «все против нас»: масоны, сионисты, китайцы, американцы, поляки, прибалты. Все они как будто сговорились и хотят матушку-Россию разорвать. Такая позиция свойственна слабой стране. Но ведь ясно же, что Россия никому не нужна в разорванном состоянии.

И все же я хотел бы сказать, что скорее сочувствую власти во всех ее далеких от совершенства формах, нежели хочу ввязаться за какое-то дело диссидентское. Если бы я какой-нибудь слоган себе придумывал, то написал бы: «Я не хочу быть диссидентом». Во-первых, потому что я им уже однажды был и само состояние диссидентства достаточно противное. Диссидентское движение — это тень власти, где тоже есть свои генералы, полковники, те же самые человеческие отношения. Хотя, может быть, порою они борются за правильные ценности, но государственного ума нет ни на той, ни на другой стороне.

Но есть искренние люди. Я, наверное, могу многих удивить, сказав, что и президент Путин в своих попытках что-то сделать искренен. Но дело в том, что учиться быть президентом, когда ты уже президент, сложно. Я думаю также, что Каспаров, который обеспокоен положением власти, очевидно, искренний человек.

И я убежден, что в стране должна быть реальная человеческая оппозиция, в которую может вписаться любая политическая сила, даже коммунистическая партия. Раз она по своему призванию должна защищать рабочий класс, состояние которого крайне дремучее, то такая партия нужна. Я считаю, что положение русских, брошенных в других странах, зачастую плохое. И опять-таки не вижу ничего дурного, если какая-либо политическая сила позаботится о них, только если она из этой своей деятельности не взбивает себе националистические коктейли.

Но все накопившиеся проблемы очень запущены, поэтому дать такой прогноз, что придет, к примеру, Немцов и все решит в одночасье, я не могу. Все те же головные боли с бюрократией и плохо воспитанным народом останутся. И надо ли опять обливать страну гипсом или нет?

ДМИТРИЙ ХРУПОВ

05

№ 221
(1859)

2
декабря
2005

ВЛАСТЬ И ЗАКОН

262